

Лосский В. Н.

Соблазны церковного сознания

Есть два основных соблазна о Церкви, к которым можно применить имена двух христологических ересей: монофизитства и несторианства.

Экклезиологические монофизиты желают только хранить Истину и умерщвляют церковную икономию, ту многообразную и всегда различную в зависимости от времени и места деятельность Церкви, посредством которой Она питает мир. Экклезиологические несториане ради икономии готовы забыть о неизменной полноте Истины, обитающей в Церкви, и, вместо того чтобы оплодотворять ею мир, начинают искать вовне, в человеческом творчестве (философском, художественном, социальном и т. д.) питания для Церкви. Первые забывают, что Церковь хранит божественные сокровища ради спасения мира; вторые перестают видеть, что источник жизни и ведения Церкви — не мир, а Дух Святой.

Церковные монофизиты, смешивая существенное с несущественным, неизменное с изменяемым, видят во всём равно божественное, неподвижно-сакральное значение: вопрос «старого стиля», например, приобретает для них характер церковного догмата. Церковь отделяется от жизни мира и противопоставляется ей как мумифицированный, мертвенный организм. Церковные несториане, сознательно или бессознательно, рассекают Церковь на «небесную» и «земную» («историческую»): с одной стороны, обесплочивают Тело Христово, превращая его в отвлеченное «духовное начало», с другой — неразлично смешивают его с миром. Хилястическое стремление к Царствию Божию на земле, осуществление социальной правды становится целью учеников Христа, которые снова призывают Его делить их мирское наследство. Церковь начинает жить жизнью мира, как одна из его стихий, и уже не может дать ему то, чего ждет от Нее мир, ибо Она ничем больше по существу не отличается от мира, ища вместе с ним в потемках, так же безысходно, новых философских, социальных, политических и иных путей.

И церковные монофизиты, и церковные несториане имеют множество разновидностей и оттенков. Ни те ни другие не вмещают Халкидонского догмата экклезиологии о нераздельном, но и неслиянном единстве в Церкви двух начал: божественной неизменной полноты и человеческой изменяемой неполноты, которую восполняет благодать «немошная врачующая и оскудевающая исполняющая». Как в Богочеловеке Иисусе Христе полнота Божества обитает телесно (Кол. 2, 9), так и в Теле Христовом Церкви — Дух Святой осуществляет «полноту Наполняющего всё во всём» (Еф. 1, 23). И нельзя ни разделять ни сливать этих двух начал: ни полагать с церковными монофизитами, что Тело Христово сошло с небес в своей законченной телесности, ни рассекать с церковными несторианами единство Церкви на два аспекта, «небесный» и «земной».

Верность этому Халкидонскому догмату о Церкви заставляет исповедовать одновременно *исторический*, конкретный характер Церкви и вместе с тем Ее *самобытность* по отношению к миру, свободу от мира и законов его жизни, — ибо Она не от мира. Это значит, что Церковь не есть один из исторических факторов, но

исторический фактор по преимуществу, — средоточие мира и его истории, центр, вокруг которого и соотносительно которому разворачивается история мира; только исходя из этого центра можно понять и осмыслить исторический процесс. Внешние «лаические» методы исторического исследования неприменимы к истории Церкви; для них остается неведомой самобытность Церкви и самая Церковь превращается в одно из слагаемых истории мира: еврейская секта, которой необычайно повезло. Следует признать, что методология церковной истории еще не выработана; это задача для богословской мысли.

Не исповедовать Церковь как самобытное, конкретно-историческое Тело — значит, стирать ее существенное отличие от других исторических явлений, растворять Ее в мире «исторических факторов», ставить Ее в необходимую зависимость от них, отрицать Ее изначальную свободу от истории, свободу от стихий мира, что равносильно отрицанию самого дела Христова.

Церковь не от мира, но она в мире и для мира, так же как Христос не от мира, но пришел в мир ради мира. И как Христос был свободен от мира, безмолвствуя перед судом Пилата, также и Церковь, часто безмолвствуя перед силами этого мира, хранит свою надмирную свободу, хотя и трудно нам иногда признать эту Ее свободу под внешним зраком уничижения. Иудейский соблазн креста свойствен многим; многие предпочли бы видеть в Церкви одну из исторических сил, подобных другим мирским факторам и «комплекс приниженности» перед могуществом римско-католической организации — соблазн, от которого несвободны многие из Православных.

Исповедуя абсолютную самобытность Церкви, живущей в мире и для мира, нельзя, однако, впадать в абстрактный схематизм, закрывая глаза на то, что в истории Церковь тесно сплетена со стихиями мира, поскольку Ее члены являются одновременно членами и строителями земного града, не выходят из мира, но живут в нем, призваны действовать и творить в этом мире. Слова Хомякова: «каждый из нас от земли, одна Церковь от неба» — полагают кафоличность или соборность Церкви не как результат сочетания различных мирских мнений, стремлений и волей, но как основоположное, изначальное качество божественного происхождения, осуществляющееся в среде множества культурных, национальных, социальных и политических форм. Каждый из нас от земли, принадлежит определенной политике, определенному социальному классу, является отчасти продуктом и одновременно творцом современной культуры и т. д. — но каждый из нас, причастуя единству Церкви, может и должен стать выше своих политических интересов, выше своего класса, выше своей культуры, потому что Церковь дает нам возможность быть *свободными* от нашей ограниченной природы. Неизбежны в среде христиан политические, национальные, социальные, культурные и прочие интересы и течения; восставать против них — значит восставать против жизни, против ее богатства и многообразия. Церковь никому не предписывает каких-либо политических взглядов, социальных доктрин или культурных особенностей. Но она не может допустить, чтобы интересы или установки отдельных лиц или групп выдавались за интересы церковные, потому что первейшим стремлением должно быть соблюдение единства, вне которого нет кафоличности, нет несомненности, нет различия между Церковью и миром. Она не может допустить, чтобы частные особенности или свойства предпочитались Ее единству, вне которого утрачивается царственная свобода от начал мира, заменяясь подчинением противоречивым стихиям и интересам; здесь неизбежно происходит разрывание Церкви, разложение церковного сознания.

Основной смысл канонических установлений заключается именно в сохранении самобытности Церкви как перед лицом мира, так и во внутреннем строе Ее жизни, ради

ограждения нашей свободы, которую стяжал Господь «Своею драгоценной кровью». Каноны не суть магические формулы, слепое применение и исполнение которых создает церковное единство. Они являют тот предел, прохождение которого знаменует нарушение единства с Церковью, — единства, исключающего всякое своеволие, где по образу-Святой Троицы есть лишь одна общая воля — точнее, непреложное соединение двух волей: «изволися Духу Святому и нам». И поскольку соблюдаются каноны, ограждающие самобытность Церкви, Ее свободу от мира, Ее самозаконность, — Церковь пребывает несокрушимой, неодолимой через все века для внешних сил, несмотря на гонения, несмотря на мученичества, несмотря на внешний облик унижения перед лицом торжествующих сил всегда враждебного ей мира. Но там, где нарушаются каноны, стирается самобытность Церкви, Она смешивается с элементами мира, живет его жизнью, отстаивает мирские интересы и потому легко подпадает под удары мирских сил и ничего больше не имеет в себе, что бы Она могла им противопоставить.

Каноны — выражение самобытности Церкви, Ее внешних пределов и внутреннего строя, то, что делает Ее видимым, осязаемым телом. Они осуществляются прежде всего епископатом в силу той божественной власти, которая была передана кругу апостолов Самим Богочеловеком в вечер Его воскресения: «приимите Дух Свят, имже отпустите грехи, отпустятся им, имже держите, держатся». В отличие от Пятидесятницы, здесь Дух Святой преподается единству апостолов, то есть собранию, стоящему во главе Церкви, преподается как некая объективная, формальная сила, власть, не зависящая от личных качеств, недостатков, маловерия, грехов. Тогда как в день Пятидесятницы Дух Святой нисходит на каждого члена Церкви как начало личного освящения и восхождения каждого к обожающему богообщению, достижимому в полноте не иначе как в единстве Церкви.

Блюдение этого единства, каноническая власть, вверена кругу апостолов и их преемников. Иными словами, божественная, безусловная власть вязать и решить, принадлежащая Богочеловеку, вверена людям, то есть существам ограниченным, могущим погрешать в применении этой власти. И, тем не менее, их власть остается обязательной, поскольку они не выходят из круга апостолов, поскольку этот единый круг, или многие круги, соответствующие территориям различных поместных церквей, не отвергают воли отдельного иерарха, но приемлют ее как выражение единой воли и власти Церкви. Та или иная санкция церковной власти (например, запрещение или отлучение) может быть несправедливой; однако, прежде чем протестовать против нее, необходимо ей подчиниться впредь до суждения надлежащего апостольского круга (митрополии, патриархата или согласия глав автокефальных церквей).

Применяя те или иные каноны в церковном строительстве или создавая новые правила в связи с нуждами дня, церковная иерархия преследует двоякую цель: с одной стороны, ограждение самобытности и свободы Церкви от начал мира, с другой — икономию по отношению к миру, в котором и для спасения которого Она существует. Пример канона, погрешающего против икономии, — практика перекрещивания инославных христиан, применявшаяся одно время на Востоке. Пример лжеканона, погрешающего против самобытности Церкви — болгарский этнофилетизм, желавший объявить национальное начало принципом поместности. Первым грешат церковные монофизиты, вторым — церковные несториане. Подлинное церковное строительство, в применении старых и создании новых церковных постановлений, покоится на даре различения существенного от менее важного, на даре рассуждения, которого мы вправе ожидать от иерархов, имеющих не только безусловную объективную власть, но также и возможность «стяжать ум Христов», возможность, данную всем членам Тела Христова. Те, кто применяет дар рассуждения в своем церковном строительстве, познаются по его

плодам и нередко прославляются как великие святители. Те, кто небрежет этим даром, — плохие домостроители, хотя и не менее безусловные в своей власти, пока пребывают в единстве с Церковью. Отрицать заранее значение церковной иерархии и ее канонического строительства, исходя из предположения, что иерархи могут ошибаться, — значит вносить в Церковь беспокойное, революционно-анархическое начало, то есть в конечном счете протестантский индивидуализм, недоверие, даже скрытое неверие в то, что Церковь (не отвлеченная «небесная», а именно конкретно-историческая Церковь) имеет от Самого Христа безусловную власть вязать и решить. Всегда возможные ошибки отдельных иерархов, если они не ведут к отпадению от церковного единства, исправляются сознательной волей Церкви в Ее поместном или вселенском выражении. Но восстания против иерархии, церковная революция — трудно исцелимое зло, духовно разрушительное.

Частое нарушение церковного единства в наши дни, легкость, с которой относятся к расколам («временное, неизбежное зло»), пренебрежительное отношение к канонам, в которых хотят видеть лишь внешне-административные распоряжения, а не живое выражение церковного единства, хранимого иерархией, — все эти прискорбные явления таят в своей глубине неверное восприятие Церкви: отрицание Ее живой плоти, развоплощение или по крайней мере расслабление единства божественного и человеческого начал в Церкви. Эта ложная установка есть некое порождение протестантского спиритуализма на православной почве. Она выражается в почти полном нечувствии к конкретно-историческому характеру Тела Христова. Остается лишь сакраментальное восприятие этого тела, Церковь как организм, в котором осуществляются таинства (и здесь божественное и человеческое обычно сливаются в неясном понятии «богочеловеческой природы» Церкви). Но понятие о Церкви как Экклезии с Ее канонически-иерархической структурой, за единство и самобытность которой перед лицом мира ответственны, прежде всего, иерархи, а затем и каждый из нас, — исчезает из сознания многих. Если конкретно-историческая Церковь не есть само подлинное Тело Христово, призванное существовать в условиях современного мира, то, конечно, всё становится относительным и безразличным. Расколы — временное явление, которое когда-нибудь преодолется и уже преодолено в «невидимой Церкви». Неправда отдельных иерархов, уклонения от здравого учения — будут когда-нибудь рассмотрены правомочным собором, а временно можно их терпеть. Поднять уровень церковного сознания, пришедший в упадок, дело не легкое, едва ли не следует завещать его будущему поколению... Как будто приложима к Церкви «теория прогресса» (если она вообще где-либо приложима). Как будто «временность» недолжного явления становится его оправданием, как будто самая наша жизнь не есть тоже «временное явление»; как будто ответственность снимается с нас этим временным характером происходящего.

Ограждая наши грехи, нашу леность и косность, все мы склонны были бы видеть в самой Церкви объективные причины невозможности полноты Ее осуществления в жизни, если бы не был у нас перед глазами пример Русской Церкви, доказывающий, что Церковь может и должна существовать во всяких условиях внешнего мира, может и должна «в новых условиях своей жизни возжигать всё тот же прежний огонь в сердцах верующих», по словам святейшего Патриарха Сергия. «Прежний огонь» — тот же, что во времена апостолов, в эпоху гонений, в века Вселенских Соборов, в другие не менее славные века, в наше время... Ив. Аксаков писал Победоносцеву: «Если бы в те времена спросили тебя: созывать ли вселенские соборы, которые мы признаем теперь святыми, ты представил бы столько основательных критических резонов против их созыва, что они бы, пожалуй, не состоялись»... Расслабление церковного сознания, грех уныния по отношению к Церкви, неверие в полноту Ее сил во всякий момент Ее

истории — не новость. Подобные настроения, конечно, наличествовали у многих и в эпоху Вселенских Соборов. Достаточно почитать древних историков или иные свидетельства современников, которые за частными несовершенствами не умели распознать золотую линию Церкви.

Не видят этой линии церковные монофизиты, отрицающие жизнь и желающие заключить Церковь в мумифицированные привычные формы прошлого быта. Не видят ее и церковные несториане, для которых «историческая Церковь» растворяется в релятивных явлениях этого мира, а «метаисторическая» остается абстракцией. И те, и другие восстают против Церкви: одни упрекают Ее в несторианском новаторстве, в компромиссе с новым миром; другие обвиняют Ее в монофизитском формализме, в канонопоклонстве. Но их нападки на Церковь основаны на недоразумении; в действительности они борются между собой.

Если, оставив их, мы обратимся к Церкви, и именно к Церкви там, где она живет особенно ответственной жизнью — к Церкви в современной России, — и спросим себя: что изменилось с эпохи древней Церкви? Нам придется ответить: только внешние формы и условия жизни Церкви, только Ее икономия по отношению к внешнему миру, меняющаяся с веками в зависимости от обстановки, в которой Она призвана жить и осуществлять свои задачи.

Полнота Ее сил осталась неизменной, и если мы не видим ее или не хотим видеть, то это свидетельствует только о нашей слепоте, об отсутствии в нас духовной бодрости, о нашем унынии, заставляющем бежать от ответственности, от решимости осуществлять в полноте служение Церкви, к которому все мы призваны в данный момент, в данных условиях, не ожидая «нормальной эпохи» (таких эпох нет), ибо «довлеет дневи злоба его».